

Оглавление

Пролог.....	5
Глава первая. Тин.....	11
Глава вторая. Дэниел.....	54
Глава третья. Таш.....	59
Глава четвертая. Тар.....	85
Глава пятая. Таш.....	105
Глава шестая. Тез.....	118
Глава седьмая. Тин.....	127
Глава восьмая. Оракул.....	142
Глава девятая. Тяо.....	146
Глава десятая. Тар.....	156
Глава одиннадцатая. Тев.....	174
Глава двенадцатая. Таш.....	179
Глава тринадцатая. Тур.....	193
Глава четырнадцатая. Таш.....	203
Глава пятнадцатая. Тар.....	212
Глава шестнадцатая. Дэниел.....	225
Глава семнадцатая. Тин.....	236
Глава восемнадцатая. Тар.....	256
Глава девятнадцатая. Таш.....	261
Глава двадцатая. Тар.....	282
Глава двадцать первая. Дэниел.....	310
Глава двадцать вторая. Тин.....	319

Оглавление

Глава двадцать третья. Таш	338
Глава двадцать четвертая. Оракул	344
Глава двадцать пятая. Тин	351
Глава двадцать шестая. Таш.....	356
Глава двадцать седьмая. Тев	365
Глава двадцать восьмая. Тар	378
Глава двадцать девятая. Таш	383
Глава тридцатая. Тин	388
Глава тридцать первая. Дороти.....	397
Глава тридцать вторая. Тев.....	400
Глава тридцать третья. Таш	409
Глава тридцать четвертая. Дэниел	418
Глава тридцать пятая. Тар	421
Глава тридцать шестая. Тин	428
Глава тридцать седьмая. Тев	434
Глава тридцать восьмая. Дэниел.....	442
Глава тридцать девятая. Тин	453
Глава сороковая. Казнь	458
Глава сорок первая. Тин	465
Глава сорок вторая. Столетний.....	469
Глава сорок третья. Оракул	475

*Посвящается Толе.
Спасибо за веру в меня
и бесконечную поддержку.
Ты – лучший соучастник во всем.*

Пролог

*Провинция Эндов
Сорок лет назад*

По дворцу Совершенства мерно ступал Столетний. Его шаг гулко отдавался эхом в пустых коридорах. Мужчина был высок, некогда плечистое тело его утратило былую мощь, но движения оставались быстрыми и гибкими. Золотой халат развевался от поступи, а вышитый на спине алыми нитями зверь словно оживал при каждом повороте, извергая пламя в пустоту.

С резким поворотом Столетний обернулся. Главный следователь Долины и лекарь вздрогнули и припали к полу. Лысина врачевателя непристойно блестела от пота. Золотая чаша в руках дрожала. Он с трудом поставил ее перед Столетним.

СТОЛЕТНИЙ

Старик-следователь съежился и отвернулся. Его подбородок мелко дрожал, и он старался не смотреть в чашу.

— Кто? — Голос Столетнего отразился от каменных стен. Эхо повторило: кто... кто...

Лекарь робко посмотрел на лицо Столетнего и невольно раскрыл рот от удивления. Перед ним было лицо старца с белесой кожей, которая хлопьями отслаивалась от скул, щек и шеи.

Столетний увидел ужас в глазах лекаря и отвернулся, сдавленно зарычав.

— С-стоletний, — начал лекарь, вжимая голову в плечи. Ему впервые доводилось видеть мужчину, который так стремительно состарился всего за месяц.

Фигура вновь обернулась к нему, и лекарь пораженно открыл рот — перед ним был прежний Столетний: темные волосы, жесткие, как проволока, резкие скулы, янтарно-зеленые глаза, пылающие холодным огнем. Словно ничего и не произошло.

— Это был сын, — едва слышно закончил лекарь.

На золотом подносе лежал крошечный сверток, больше похожий на изувеченную куклу, чем на ребенка. Недоразвитая ножка, багровое тельце без кожи.

Из груди Столетнего вырвался яростный рев, заставивший лекаря и главного следователя еще ниже склониться к полу.

— Почему каждый раз это происходит с сыновьями? — В голосе Столетнего лекарь слышал

Пролог

отчаяние и боль. Но это не было болью обычного отца, потерявшего ребенка. Это был вопль человека, утратившего жизнь.

— Я... я не знаю... Ваша жена... она больше не может иметь детей. Пять потерянных сыновей — тяжелое испытание для организма. Смеею предположить, что это естественный процесс.

— Что ты имеешь в виду?

— Численность населения Эндов сократилась вдвое за последние годы...

— Я знаю! Как и во многих других провинциях!

— В-возможно, все дело в... слишком чистой крови...

Движение было таким быстрым, что лекарь не успел его заметить. Столетний выхватил длинный меч, покрытый письменами.

— Я — Бог! Я спас их всех и создал Долину. И ты мне смеешь намекать, что из-за чистоты крови умирают мои сыновья?

Лекарь затрясся, беспомощно прижав руки к телу. Меч лежал на его затылке. Столетний испытывал дикое желание надавить сильнее и посмотреть, как кровь зальет лицо этого мерзкого человечка, а затем пол. Превозмогая себя, Столетний отвел взгляд и посмотрел в сторону восьми сигнальных костров, пылающих на горе жизни.

— А Оракул, с ней что? — Силы покинули Столетнего, и он опустил меч, разглядывая послание на лезвии. Эти письмена остались с тех далеких

СТОЛЕТНИЙ

времен, когда его еще не именовали Столетним, а от Долины его отделяло большое море.

Лекарь в ужасе склонил голову, пот крупными каплями застыл на затылке. Главный следователь с жалостью посмотрел на него и ответил Столетнему:

— Она звала вас. Просила передать, что эта ночь будет последней в ее жизни.

Столетний вложил меч в ножны и, не глядя на подчиненных, прошел мимо, едва не задев развевающимся одеянием.

По дороге к покоям Оракула он пытался найти слова для прощания с той, что все эти годы направляла его, берегла и любила. Он попытался изобразить на лице скорбь, но понимал, что у него не получится. Он видел взгляд лекаря. Скоро Столетнему придется скрывать свое лицо.

«Магия не вечна, вдали от источника она иссякает. Лишь выбрав свой путь, можно сохранить ее», — так сказала ему первая Оракул, когда они плыли к Долине. Он тогда не поверил и громко рассмеялся. Энды — Боги. Энды бессмертны.

В комнате Оракула слабо горела свеча, наполняя помещение ароматом трав и благовоний. Столетний отослал служанку, раскрыл двери.

Женщина повернула голову, белесые глаза остановились на месте, где должен был находиться Столетний. Он упал на колени, обхватив ее руку, и принялся жадно целовать морщинистую кожу.

— Он опять родился мертвым, — произнес он, проливая горькие слезы.

Пролог

Женщина слабой рукой коснулась его головы и попыталась погладить.

— Бедный ты, бедный... — Слова вырывались с трудом, а голос казался потусторонним.

— У меня будет сын... ты говорила! У тебя было видение!

Кашель сотряс женщину — лающий, надрывный, он вырывался из ее груди. Столетний поднес к ее рту платок и вытер слюни.

— Сын родится. — На губах мелькнула тень улыбки и тут же исчезла в новом приступе.

— Спасибо тебе за все. Ты служила мне с честью. Ты была моим другом. — Столетний припал губами к ее лбу. — Что мне делать без тебя? Кому перейдет твой дар?

Женщина повернула голову и вновь содрогнулась. Кашель был странным, прерывистым. Только сейчас Столетний понял — она смеется над ним.

— Дар мой уйдет к той, кто будет ненавидеть тебя еще больше. А твой долгожданный сын прервет твою проклятую жизнь. Зверь! Так устроена древняя магия. — Лицо исказилось от боли, но она была счастлива.

Столетний отпрянул в ужасе, и его лицо вновь обратилось ликом седовласого старца.

— Ты правда думал, что можно любить такое чудовище? Зная судьбу мира, оставалось только терпеть и с честью нести свое бремя. Мне не суждено было изменить историю... Но Она... сможет!

СТОЛЕТНИЙ

— Заткнись! — Столетний закричал и зажал ей рот руками.

Задыхаясь, женщина отчаянно забила руками по постели, вынуждая мужчину отпустить ее.

— Это мое последнее видение, Столетний.

— Не всем видениям суждено сбыться! У меня не может быть сыновей от женщин Эндов! — прорычал он и увидел смех в угасающих глазах Оракула.

Столетний поднялся и ощутил, как сила возвращается к нему.

— Не все видения Оракулов сбываются, сама знаешь. А я могу поддерживать в себе жизнь вечно. — Кажется, он пытался доказать это себе, а не умирающей на постели женщине.

Едва различимая фраза стала ответом:

— Магия не вечна. Вдали от источника она иссыкает. Лишь выбрав свой путь, можно сохранить ее. Ты можешь жить вечно, но у этого своя цена.

Глаза женщины застыли. На губах все еще играла улыбка.

Этой ночью в Долине родится новая Оракул. Столетний найдет ее и будет держать при себе, пока та не умрет, как и пять Оракулов до нее.

Глава первая

*Провинция Тэнси
Настоящее время*

Тин

Солнце палило в спину. Испарения, исходящие от мутной воды, заставляли женщин дышать мелко и часто. Движения рук были едиными, отработанными годами. Рис — гордость провинции Тэнси и проклятье для работниц рисовых полей.

Широкие соломенные шляпы защищали лбы от солнца, а хлопковые платки скрывали лица почти до самых глаз.

С дальних полей донеслось протяжное пение. Смотрительница тяжело вздохнула и покачала головой. Песни пытались запретить — они отвлекали от работы. Но женщины нашли лазейку: начинали петь в разных концах полей, сбивая с толку надзирателей. И так весь день, то тут, то там — наглое и безнаказанное нарушение правил. Тяо жаловался квартальному надзирателю. Тот, прознав про уловку, лишь расхохотался.

— Будет тебе, Тяо! Думаешь, Столетнему есть дело до баб в нижней провинции?

СТОЛЕТНИЙ

— Так и начинаются бунты! — пробубнил распорядитель и раздал смотрительницам кнуты. Впрочем, те ими не пользовались.

Тяжелый кроваво-красный закат обещал новый жаркий день. Но сегодня рабочие часы подходили к концу. Тин медленно выпрямилась, разминая затекшую спину. Мокрая хлопковая накидка облепила тело, темно-коричневый жилет — обязательная униформа всех рабочих — скрывал грудь. По цвету жилета теперь можно было определить, откуда человек. Крой и фасон указывали на его профессию — еще одно нововведение Столетнего.

— Последний ряд! — крикнула смотрительница, прикрывая глаза от низкого солнца полями шляпы.

— Последний ряд! Последний ряд! — раздавались голоса по цепочке. Главные по ряду передавали приказ соседкам.

Тин ненавидела быть главной в ряду. Тихая и молчаливая, она каждый раз вздрагивала от чужих криков. Перед глазами вновь вставало лицо младшего брата Тура: разинутый рот, хриплое дыхание... Она ждала приказа, сжав челюсти. Сухость в горле вызывала спазмы.

«Дыши», — мысленно приказала себе Тин.

Ладонь, сжимающая загнутый нож, дрогнула. Обычно она справлялась с тревогой, стискивая кисть другой рукой до боли в кончиках пальцев. Сегодня этот трюк не сработал. Сегодня был тот самый день. Тин была готова работать до темноты, лишь бы не возвращаться домой,

Глава первая. Тин

не встречать тяжелый взгляд бабушки. Лечь бы прямо в эту грязную жижу, отдающую тиной, и исчезнуть...

— Последний ряд! — Голос прозвучал над-рывно, словно она кричала из последних сил. Девушка впереди обернулась. Ее удивленный взгляд вернул Тин к реальности. Она с запозданием поняла, что нож давно выпал из онемевших пальцев. Тин с досадой поджала губы и, окунув руку в ил, нащупала рукоять. Когда она выпрямилась, девушка все еще смотрела на нее, но как бы сквозь — куда-то вдаль. В груди неприятно шевельнулся комок.

— Это... Тах, что ли, стоит рядом с распорядителем?

Женщины вокруг как по команде выпрямились и обернулись.

— Тах! Точно! Я эту наглую позу даже во тьме узнаю! Нос задирает, важный стал!

— Ага! В прошлый раз, помните, он нам про жилеты рассказывал. Что, интересно, сегодня принес?

— Может, скажет, что теперь мы обязаны работать голыми? — раздался веселый голос.

— Тен, тише! — шикнул кто-то.

Тин улыбнулась. Тен всегда была заводилой. Это она подала идею петь на полях, сбивая с толку надзирателей.

— А ну молчать! — рявкнула смотрительница, хотя сама с любопытством подалась вперед.

Теперь Тин еще меньше хотела заканчивать работу. Вид Таха не предвещал ничего хорошего.

СТОЛЕТНИЙ

Ряд был закончен, шепот женщин стих. Угрюмой чередой они потянулись с поля. Даже утки, казалось, примолкли, предчувствуя что-то важное.

Тах стоял рядом с распорядителем полей Тяо. Тот по привычке жевал стебель риса. Тах был невысокого роста и на фоне тучной фигуры Тяо выглядел совсем коротышкой. Его напыщенная поза — грудь колесом, вздернутый подбородок — выглядела комично.

Женщины выстроились в очередь за платой. Позади Тяо стояла его дочь Тал. Они с Тин были ровесницами, когда-то даже дружили — до того дня как на семью Тин легло клеймо Непрощенных. Тал бросила на Тин короткий презрительный взгляд.

— Ну, пошевеливайтесь! У меня важное послание! — Голос Таха, и без того высокий и писклявый, сорвался на фальцет.

Женщины с любопытством уставились на него. Он театрально откашлялся, чем вызвал сдержанные улыбки.

— А ну молчать! — рявкнул Тяо, выплевывая пережеванный росток. Но его глаза тоже смеялись.

Тах, вскинув подбородок и одобрительно кивнув, отмечая верность Тяо, начал:

— Я, Тах, от имени Столетнего зачитываю вам, жители Долины, послание П-6578.

«Дети мои. Дочери и сыны Долины! Жители провинции Тэнси! Я, Столетний, обращаюсь к вам. Наступают тяжелые времена. Многим провинциям не хватает продовольствия — лето погу-

Глава первая. Тин

било урожай на юге. Теперь вся надежда на вас, на ваши труды. Провинция Чжон потеряла почти весь урожай. И вы должны помочь им — мы одна семья! В связи с чем я с горестью сообщаю о необходимости введения с сегодняшнего дня в силу Послания-6578 “О сокращении оплаты труда на четверть тем семьям, у кого на попечении есть неработающие члены семьи, не достигшие почтенного возраста”. Мужайтесь, дети мои! Но помните: мера эта временная. Если засуха и пожары утихнут и урожай пшена и ячменя вновь будет засеян, Послание-6578 будет отменено. Вы — наше спасение!»

Голос Таха дрожал. Напускная важность исчезла. Теперь он читал монотонно, словно сам не верил в то, что говорил. Это послание касалось и его семьи — у него была больная бабушка. Он на мгновение замолчал, а затем, избегая взглядов женщин, поспешно свернул свиток.

Тин резко сдернула с лица платок. Она все это время слушала, затаив дыхание. Карие глаза с янтарными искрами в глубине зрачков жгли спину Таха. Упрямый подбородок дрогнул. Уголки губ опустились. Только брови — темные, дерзкие — была нахмурены. Тин обернулась. Соседка справа прятала лицо под полями шляпы. Слева Тен — единственная, кто не боялся смотреть прямо, — коснулась ее плеча.

— Тин, если что-то понадобится — обращайся, — сказала она тихо.

Тин молча покачала головой. Сегодня ей не хотелось ни с кем разговаривать. Она чувствовала,

СТОЛЕТНИЙ

как спину покрывает холодный пот, несмотря на удушающую жару.

— Да славится народ Долины! Да будет вечен Столетний! — пробасил Тяо, довольно поглаживая живот.

Женщины хором повторили ритуальную фразу. Тин беззвучно шевелила губами. Она очнулась, когда перед ней появился кулак Тяо, сжимающий монеты.

— Ну, чего встала?

— А? Извините! — Тин автоматически поклонилась и протянула руку. Холодный металл лег в ладонь.

«Раз, два, три...» — отсчитала она в уме, готовясь к неизбежному. Двух монет не хватало.

— Давай уже! — рявкнул Тяо.

И тогда в Тин вспыхнула злость! Это совершенно на нее не похоже, но отступить было поздно, да и некуда.

— Тут... меньше!

— Послание слышала? Или у тебя только мордашка симпатичная, а слух напрочь отсутствует? — Тяо улыбнулся, обнажив золотые зубы.

— Но разве это сокращение уже с сегодняшнего дня? — Тин нервно перебирала монеты.

— Послание действует с сегодняшнего дня!

— Но у вас же была приготовлена выручка с утра с расчетом на прежнее количество... это было до Послания! — Монеты звенели и терлись друг о друга.

— Тин из семьи T-2134, мне надзирателя позвать? Или ты не видишь, что очередь задер-

Глава первая. Тин

живаешь? — Бровь Тяо поползла вверх, словно толстый слизень.

Тин обернулась. Усталые лица. Никто ее не осуждал — все всё понимали. Только Тен, поймав ее взгляд, предупреждающе покачала головой.

— Нет... Благодарю. — Тин с трудом выдавила из себя эти слова и до боли прикусила щеку. Невольное желание вспороть жирное брюхо Тяо загнутым ножом вернуло ее на землю. Она спрятала монеты в мешок и, чувствуя металлический привкус во рту, поспешила уйти.

— Эй, Тин? — догнал ее голос Тяо.

Тин обернулась.

— Ты ведь всегда можешь... подзаработать. Не стесняйся! Я тут всегда! — Тяо расхохотался, и его живот затрясся.

«Сдохнешь в грязи, как навозная муха», — подумала Тин, но вслух ничего не сказала. Не сегодня. Не в день памяти ее родителей.

Подходя к дому, Тин замедлила шаг. Попыталась придать лицу беззаботное выражение, натянуть на губы улыбку. «Все хорошо, мы справимся», — хотела она сказать Туру. Но, вспомнив о брате, поняла: он не поверит.

Их дом — небольшой, деревянный, как и все дома в южной части Тэнси, — стоял на отшибе. Тин прошла на задний двор, чтобы смыть с ног и сандалий засохшую грязь. Ей нужна была передышка перед встречей с Той. Тин не знала, заговорит ли та сегодня о родителях или они, как обычно, останутся запретной темой — будто их никогда и не существовало.

